

Социальная справедливость и парадоксы становления социального государства в России

Руслан Гринберг

Краткое содержание:

Является ли либеральная модель экономики неперенным условием для создания социального государства? Многие рекомендации пороговым странам исходили из предположения об автоматической связи между экономическим развитием и созданием социальной справедливости. Однако, как констатирует автор данного анализа, российский опыт трансформации ставит под вопрос эту концепцию. Таким образом, он обращается к дискуссии, которая в связи с последними потрясениями на мировых финансовых рынках интенсивно ведется и в развитых государствах. Российский опыт может быть полезен для ответа на вопрос о том, возможна ли еще социальная справедливость в условиях современных экономических моделей.

Об авторе: Профессор Руслан Гринберг является членом Российской академии наук и директором Института экономики РАН. В многочисленных публикациях он исследует, в первую очередь, экономические и социальные последствия трансформации в России и предлагает возможные реформы современной социальной политики.

Идея справедливости обнаруживает не только огромную живучесть. Она еще и выступает во множестве разнообразных вариантов. К этой идее обращались представители всех наиболее значительных философских школ, и во всех ее интерпретациях обнаруживаются весьма серьезные отличия. Аристотель, как известно, считал справедливость важным условием стабильности в государстве. Но для одних философов справедливость связана с индивидуализмом, для других – наоборот, с коллективизмом. По мнению Платона, справедливо все, что содействует интересам государства, и в соответствии со справедливостью должна строиться жизнь и каждого индивидуума, и всего общества. Классики либерализма, как философского течения, связывают справедливость с соблюдением законов, выстраивая ее на нормах протестантской этики, а Б.Франклин считал

справедливость выражением прежде всего честности.

В эпоху Просвещения продолжилась увязка понятия справедливости с человеческими правами – с равенством, свободой слова, совести, собраний. Немецкая классическая философия обращается к зависимости идеи справедливости от способа организации общества и государства. Для утопистов социальная справедливость – центральная идея во всех их рассуждениях, но сводится практически к уравниловке. Классики марксизма определяли коммунизм как «реальный гуманизм» (К.Маркс). Новейшая философия вновь обнаруживает крепкую увязку справедливости с этикой поведения и честностью, хотя, например, К.Ясперс считал идею справедливости квазипроблемой, нерешаемой в принципе, поскольку в обществе существует разделение материальных благ. Появляется и мысль о том, что рост экономического благосос-

тояния радикально меняет смысл самой проблемы социальной справедливости. Бросаются в глаза, во-первых, устойчивость идеи социальной справедливости во всех основных философских учениях, а во-вторых, – настойчиво устанавливаемая всюду связь справедливости с представлениями о демократии и свободе. Есть и другие особенности, усложняющие и проблему социальной справедливости, и отношение к ней. Важно, например, помнить, что в гегелевской философии государство рассматривается в качестве перераспределителя социальных благ, в то время как в других учениях соотношение государства и социальных функций рассматривается в ином ракурсе: человек считается носителем «социальных прав», таких же неотъемлемых как право на свободу или право голоса. Государство должно обеспечивать практическое использование этих прав, основываясь на идеях нравственности, морального долга и альтруизма.

В этой связи уместно вспомнить, что как раз на таких высокогуманистических принципах основывались и теоретические разработки, и борьба за реальные социальные права в России. Это и неудивительно, если принять во внимание то глубочайшее влияние, которое на жизнь российского общества в XIX и XX веках оказывали Л.Толстой, Ф.Достоевский, А.Чехов и другие великие писатели и мыслители-гуманисты. И уж совсем естественным, хотя для многих, может быть, и неожиданным, станет то, что в России первые плоды движения за социальные права появились уже в конце XIX века, немногим позже, чем в странах Западной Европы, но на десятилетия раньше, чем в тех же США. В те годы в России появилось Министерство государственного призрения, приняты законы по регулированию условий труда заводских рабочих, женщин, малолетних работников, в 1886 г. принят закон о медицинском страховании рабочих, в 1893 г. – закон об охране труда, в 1903 г. – о компенсации увечий от несчастных случаев на производстве.

Очень важно отметить, что элементы социального государства в России появились в условиях, когда еще не успела

в более или менее законченном виде сформироваться капиталистическая система классического типа, не говоря уже о правовом государстве и гражданском обществе. К тому же, в отличие от западноевропейских государств, здесь в социальной сфере большую роль играли местные органы социальной защиты – земские учреждения, благотворительные общества, бесплатные столовые и приюты и т.п. В 1906 г. первая в российской истории Государственная дума (парламент) начинает работу над правовым оформлением основ социальной политики, и в 1912 г. появились законы по страхованию от несчастных случаев, оплачиваемые «больничные листы» (нерабочее время по болезни) – все это вполне в духе мировых тенденций по формированию основ социального государства, хотя и с некоторым отставанием. Отчасти, может быть, из-за этого отставания и происходит Октябрьская революция 1917 года в России – она положила, в частности, начало многим очень заметным событиям в трансформации идеи социального государства и ее практической реализации в других, более развитых капиталистических странах, во всяком случае, ускорив ее современное оформление.

Можно предъявить много претензий советской системе общежития, и прежде всего разрушительной установке на реализацию принципа «справедливость без свободы». Но нельзя отрицать тот факт, что именно в Советском Союзе было построено более или менее целостное социальное государство, пусть и на явно недостаточной материальной основе. И этот факт тоже заслуживает отдельного внимания, потому что в конечном итоге именно социальные преобразования в СССР заставили многие страны Запада, казалось, далеко вперед ушедшие по пути создания демократии и гражданского общества, срочно усилить внимание и к социальной сфере. Первыми в этом ряду следует упомянуть США, где разработка и принятие системного социального законодательства начались только в 30-е гг. прошлого века.

Между тем в Советской России уже в конце октября 1917 г., сразу же после создания Совета народных комиссаров

(правительства) появился и Наркомат (министерство) государственного призрения, а 31 октября 1917 г. Было объявлено о реформе системы социального страхования для всех лиц наемного труда и их семей, причем страхование обеспечивало всю совокупность рисков. Немного позднее были введены бесплатная медицинская помощь, 8-часовой рабочий день, уравниены права мужчин и женщин. Все это можно охарактеризовать как настоящий революционный прорыв к практической реализации идеи социального государства. Однако в следующих шагах советской власти многое можно расценить как заметное расхождение между общими словами и конкретными делами. Была введена трудовая повинность, а позднее – обязательный труд для всех, в Конституциях СССР 1936-го и 1977-го гг. были полностью перечислены и закреплены социальные права граждан, но часто они носили декларативный характер – например, крестьяне в колхозах всегда обладали более ограниченными возможностями доступа к общественным фондам для социальных целей по сравнению с городскими рабочими и служащими. Колхозники к тому же были долгое время исключены из общегосударственной системы социального страхования и пенсионного обеспечения. И уж совсем плохо обстояло дело с обеспечением гражданских свобод.

И все же советское государство добились немало в сфере социальной поддержки населения: в системе социальной помощи, в социальном страховании рабочих, создании условий для труда и отдыха – это была воистину гигантская, широко развернутая система санаториев, домов отдыха, профилакториев, пионерских лагерей и т.д., где отдых частично или полностью оплачивался государством. Кстати, в отличие от многих современных стран, оплачиваемый отпуск составлял, как правило, не менее четырех недель ежегодно. Обеспеченность поликлиниками, детскими садами, яслями, библиотеками, стадионами, санаториями либо была в СССР на уровне развитых западных стран, либо их превосходила. Детская смертность была одной из самых

низких в мире, а продолжительность жизни достигала 70 лет.

Удивительно, что всё это происходило в стране с нерыночной экономикой и с полным отсутствием демократических свобод. Социальное государство в СССР сложилось не на базе развития материальной основы общества, а прежде всего на марксистских идеологических установках, и государство было автором, проводником и гарантом социальной политики той эпохи. Это и сейчас кажется нарушением исторической логики, привычно связывающей появление социального государства с постепенным нарастанием общественного благосостояния в странах с прочными государственными устоями и демократическими традициями. Такой сценарий инерционно-эволюционного возникновения и развития социального государства стал в Европе привычным уже к 50-м гг. прошлого века, а в 70-80-е годы кризисные ситуации на Западе породили представления о «пересоциализации» развитого мира. С кризисом столкнулась сама концепция социального государства, по некоторым утверждениям это даже можно назвать тупиком. Ведь раньше расчёт делался на то, что с ростом экономики растут прибыли и доходы, а также налоговые поступления – и сама собою появляется возможность решать социальные проблемы, не тормозя экономический рост.

Но если темпы роста замедляются, нужны дополнительные меры, чтобы не уменьшились размеры социальных затрат. В этом пункте мнения экономистов раздваиваются. Либералы считают, что надо помогать богатым, создавая стимулы для инвестиций и роста производства, – а для этого снижать налоги, но тогда уменьшается и база для социальных выплат. Чтобы не возиться с решением этого противоречия, либералы предлагают такую концепцию: рыночное хозяйство, если оно эффективно, так или иначе автоматически решает и социальные вопросы, а потому государство при этом просто не нуждается в прилагательном «социальное».

Мода на такую концепцию сохраняется, однако проблему социального государства никак нельзя считать решённой, в чем заставил убедиться полный провал

либерального экономического эксперимента в России в 90-е годы. Либерал-реформаторы сочли, что переход к рыночным отношениям и к демократическому правовому государству даст автоматически нужный экономический и, следовательно, социальный результат. Но жизнь вновь показала: в экономике нет места понятию «автоматический», всё происходит после человеческого (государственного) вмешательства — осмысленного или плохо рассчитанного, что и определяет итог усилий. А что касается социальных проблем, — казалось, что рынок сохранит советский уровень социальной защиты без всяких специальных дополнительных усилий. Но такое оказалось невозможным: госбюджет резко уменьшился, государственная дисциплина в управлении была потеряна, производство сократилось почти на 50%, а потому и попытка внедрить либерально-западную модель социальной политики, как её себе представляли реформаторы, провалилась. Нельзя, разумеется, не видеть положительные итоги двадцатилетней «русской трансформации». Полностью преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешне-торговой монополии. В результате исчезли униженные дефициты товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Поскольку раскрепощена ранее скованная личная инициатива, происходит становление предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнивательность в личных доходах, и виден осязаемый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги. Наконец, после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и начали функционировать институты рыночной экономики, то

есть коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и так далее.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 90-е годы недавно завершившегося столетия Россия явно отдалилась от желаемых социально-экономических стандартов евро-атлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны «третьего» мира с громадной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет суровую борьбу за существование. Чрезвычайно высокая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированными.

Тем не менее, весьма многочисленные западные советники по-прежнему упорно рекомендуют странам переходных экономик, и в том числе сегодняшней России, модель развития, программирующую «недосоциализацию» государства. Это значит, что она утрачивает всякие шансы на вхождение в сообщество социально благополучных стран. Иначе как парадоксом это не назовешь: советы по повышению качества экономики множат социально незащищенные

слои населения. В общем, советы по оздоровлению общества закрепляют его нездоровье.

Экономический подъем последних лет давал основания надеяться на новые конструктивные шаги в создании современного социального государства в России. Этого пока не получилось. Рост ВВП и увеличение средних доходов населения проходят на фоне все большего расслоения в российском обществе, кризиса пенсионной системы и других социальных проектов. Инфляция съедает прибавки к зарплатам и пенсионным выплатам. Не оправдываются пока и надежды на структурную перестройку и расширение выпуска высокотехнологичной продукции.

Легче всего было бы приписать нынешние неудачи в строительстве социального демократического государства «авторитарному» путинскому режиму. Но что-то мешает так думать. Больше половины населения страны поддерживают политику нынешнего российского руководства. Средний класс составляет в России только 20% населения, – это немного, но в 90-е годы было всего 5%. Так что динамика здесь положительная...

За провалами и неудачами в социальной сфере последних десятилетий мы не должны упустить самое важное и интересное наблюдение, каким бы парадоксом оно ни казалось. Российский (советский) опыт строительства социального государства и общества вскрыл удивительное явление: процесс шел практически все время вразрез с общеевропейской тенденцией, но уже в XIX веке, при отсутствии демократических основ российского общества, показал значительные успехи, а в XX в. в стране было создано что-то, похожее на социальное государство, – и это в нерыночных условиях и при отсутствии демократии. А когда в Россию вернулось рыночное хозяйствование и начались попытки демократизации общества, – мы получили асоциальное государство. Это неожиданно выявленное наблюдение можно принять как следствие стечения случайных исторических обстоятельств, а можно попробовать извлечь из него полезную информацию к размышлению. Можно, например, еще раз

проанализировать сложившееся общее отношение к социальным функциям государства: что это – вынужденная уступка рынка и бизнеса обществу или неотъемлемая часть разумной общей экономической политики государства?

Как бы то ни было, Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству – при всех задержках и даже откатах – сохраняются.